

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ш. А. Богина. Иммигрантское население США. 1865—1900 гг. Л., 1976, 276 стр.

Всестороннее изучение процессов иммиграции и последующего вхождения иммигранционных контингентов в социально-этнический организм принявшей их страны имеет первостепенное значение для понимания всей этнической истории таких стран, как США, Канада, Австралия. Ведь современное их население в основном создано именно иммиграцией. Изучение иммигрантского населения необходимо и для проникновения в глубь современных этнических ситуаций и этнических процессов, идущих в подобных странах. Все это говорит об актуальности темы рецензируемой книги, а то обстоятельство, что автор ее давно занимается проблемами иммиграции в США и стала знатоком вопроса, позволяет ожидать, что в ее новой книге мы найдем содержательный и интересно поданный материал.

И эти ожидания не обманывают читателя — книга и в самом деле превосходна. Помимо обширного круга фактических сведений в ней (иногда как бы «между строк») много ценных обобщений, важных концепционных положений.

Вполне обоснованно выбраны хронологические рамки книги — 1865 и 1900 годы. Начальный рубеж совпадает с окончанием Гражданской войны в США, конечный — с вступлением этой страны в период империализма. Временные рубежи, избранные автором, удачны и с чисто иммиграционной точки зрения: в них вмещается период как «старой», так и «новой» иммиграции. Напомню, что, анализируя межконтинентальные миграции, В. И. Ленин в 1913 г. писал: «До 1880 года преобладала так называемая старая иммиграция, из старых культурных стран, Англии, Германии, частью Швеции... С 1880 года начинается невероятно быстрый рост так называемой новой иммиграции, из восточной и южной Европы, из Австрии, Италии и России»¹.

Я сознательно напоминаю эти ленинские слова — мне придется еще к ним вернуться. Сейчас же обращу внимание на то, что структуру своей книги Ш. А. Богина связала с «постепенным» выходом в первый ряд иммигранционных контингентов переселенцев то из одних, то из других стран. Три первые ее главы можно определить как «микромонаграфии», посвященные соответственно немецкой («старая»), итальянской («новая») и скандинавской иммиграции; в четвертой главе рассмотрены «некоторые другие характерные иммигрантские группы» (выделенные также по этнической принадлежности). Теоретические обобщения (помимо многих сформулированных до этого, по ходу дела) собраны в заключение, которое называется «Межэтнические отношения в США». Приложением служит обстоятельная «Историография иммиграции в США», где, в частности, критически оценена и значительная часть использованной в книге американской научной литературы. Это приложение представляет самостоятельную ценность.

На протяжении всей книги Ш. А. Богина демонстрирует отличное владение материалом, и читатель получает истинное удовольствие от профессионального мастерства автора. В частности, в книге очень удачно скомпонованы разнообразные свидетельства современников и результаты обследований и сбора «мнений», рисующие социальный престиж и ступени вхождения тех или иных иммигранционных групп в американский «плавильный котел».

Своеобразие книги в большой мере определено кругом использованных источников. Конечно, Ш. А. Богина взяла необходимые ей отправные цифры из ценов и других аналогичных статистических публикаций; но, не стремясь создать историко-демографическое исследование, она не сделала подобные публикации основным своим источником (и, вероятно, извлекла из них далеко не все, что в них содержится). Зато она вскрыла целые пласты других первичных материалов, наложивших на ее обобщения и выводы печать высокой достоверности.

Иногда это письма на родину иммигрантов, поселявшихся в США. Часть таких письменных свидетельств самих участников процесса иммиграции извлекалась из подборок, публиковавшихся в разное время в зарубежных изданиях (особенно это относится к письмам эмигрантов из скандинавских стран); но в значительной мере привлечены и архивные материалы, открытые автором, и это с особенной силой сообщает всему изложению дыхание подлинности. Дело в том, что среди иммигрантов (главным образом немецких) последней трети XIX в. очень велика была прослойка связанных с социалистическим рабочим движением. Активная деятельность их в I Интернационале, сам Генеральный Совет которого под конец был переведен в США, близкие связи многих из них с вождями революционной мысли — с Энгельсом, Либкнехтом, Зорге, Дицгенем и др. — все это породило громадное эпистолярное наследие, и большая часть его ныне вошла в фонды Партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 90.

Письма иммигрантов-социалистов об их судьбах и судьбах многих их товарищей, биографии и истории целых семей, оценки современниками — деятелями рабочего движения — положения иммигрантов за океаном дали Ш. А. Богиной возможность ввести в научный оборот обширный, ранее не публиковавшийся материал первостепенного значения. Чтобы добраться до него, нужны были многие условия: исключительное упорство и трудолюбивая настойчивость, отличная интуиция историка, да еще хорошее владение языками... И всеми этими качествами автор, как доказывает книга, обладает.

Третьим пластом, из которого Ш. А. Богина черпала свой материал и который «перенесла» ее, словно некая машина времени, в изучаемую эпоху и даже как бы открывал ей путь чуть ли не к «личному» интервьюированию иммигрантов этой эпохи, была целая серия публикаций, отражавших итоги подобных интервью. Проведенные на месте исследователями — современниками изучаемых Богиной миграций, такие обследования также создают своеобразный «эффект присутствия». Опубликовавшие такие интервью американские ученые (среди них много натурализовавшихся иммигрантов, о чем иногда сообщает автор, иногда мы сами легко догадываемся, например, по их итальянским именам) позволили Ш. А. Богиной словно осуществлять, используя их материалы, «интервью второй степени».

И наконец, в книге не раз используются свидетельства художественной литературы, которые сообщают живые штрихи жизни иммигрантов разной этнической принадлежности.

Следует заметить, что привязка основного содержания книги к единичным свидетельствам сама по себе могла бы насторожить читателя. Можно вспомнить здесь очень важные для каждого этнографа и историка предостережения В. И. Ленина из его замечательной статьи «Статистика и социология»: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры... Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»².

Но к изложению Ш. А. Богиной, построенному на отдельных случаях, упрек в произвольности их был бы неправомерен — как раз потому, что случаи эти берутся непременно в контексте процесса, взятого в целом, в тесной связи с самыми существенными его чертами; именно это делает их типичными, репрезентативно-характеристичными. Да и рассказывают эти «частные случаи», эти единичные факты биографий отдельных иммигрантов всегда о важных, основных аспектах вхождения их в американский социально-этнический организм.

В частности, большое внимание уделяется тому, в какой мере иммигрантам — по большей части выходцам из европейских деревень, удается воплотить свою заветную мечту: «сесть» за океаном на землю, завести собственную ферму. Это и в самом деле важнейший социальный параметр. В 1887 г. Энгельс, прекрасно осведомленный, так сказать из первых рук, о положении иммигрантов в США, писал: «Два обстоятельства долго мешали неизбежным следствиям капиталистической системы проявиться в Америке во всем своем блеске. Это — возможность легко и дешево приобретать в собственность землю и прилив иммиграции. Это позволяло в течение многих лет основной массе коренного американского населения еще в расцвете физических сил „отказываться“ от занятия наемным трудом и становиться фермерами, торговцами или предпринимателями, между тем как тяжелая работа по найму, положение пожизненного пролетария большей частью выпадало на долю иммигрантов»³. Иммигранты, обычно обладавшие недостаточными средствами для продвижения в глубь страны и создания там собственных хозяйств, оседали в портовых городах своего прибытия и пополняли контингенты рабочего населения и других городов на востоке США, а попадавшие во внутренние районы часто долгое время батрачили на чужих фермах.

Книга Ш. А. Богиной показывает, что «доля городского населения среди американских немцев во второй половине XIX в. значительно превышала соответствующую долю среди всего населения США. Особенно это относилось к крупным городам...» (стр. 20). Если так обстояло дело с немцами, которые «традиционно считались самой сельской из иммигрантских национальных групп» (стр. 19), то легко представить себе, что большинство иммигрантов из Италии (этих типичных представителей «новой» иммиграции) в США «изменило классовую принадлежность, превратившись в рабочих промышленно развитого общества» (стр. 77—78).

«Связь с целым», убедительное выявление именно типичности описываемых бесчисленных частных случаев красной нитью проведены через всю книгу. Эта связь показана и через анализ мотивов и предпосылок миграций, и через статистику занятости иммигрантов по прибытии их в США, и через рассмотрение участия их в церковной жизни на новой родине, и т. д. Иногда из отдельных штрихов, которые, впрочем, достаточно типичны, автор выводит и важную общую черту. Например, на стр. 128—129, начав со смешанно-итальянских имен на англоязычные и с роли итальянских землячества, она заключает появлением в условиях дискриминации «защитного механизма

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 263, 264.

итальянского патриотизма» и подводит к такому тонкому обобщению: «Таким образом, можно сказать, что только в Америке сицилийский батрак начинал сознавать себя итальянцем. Но сознательно культивируемая гордость всем итальянским сочеталась с намерением стать частью Америки и с — также сознательно культивировавшимся — американским патриотизмом. Так вырабатывалась идеология возникавшей итало-американской этнической общности».

Во всей книге мне встретились, может быть, лишь два или три примера слишком уж частных случаев, которые можно было бы оценить как «фактики» (например, чрезмерно «узкосемейные» истории, рассказанные на стр. 207 и 210). Кроме того, читатель-демограф мог бы посетовать на то, что случаи, извлекаемые из проведенных в свое время интервью, не сопровождаются указанием числа проинтервьюированных лиц, и поэтому трудно судить о показательности итоговых количественных соотношений. Сама Ш. А. Богина лишь в одном случае упоминает о критерии достаточности числа опрошенных и признает его слишком малым (стр. 114).

Весьма дискуссионным я считаю то, что иммиграция из скандинавских стран в книге отнесена к «новой». Принятое в литературе рассмотрение ее в составе «старой» Ш. А. Богина объявляет «ходячим мнением», которое якобы выводится лишь из «положительной характеристики скандинавских выходцев в противоположность переселенцам из Южной и Восточной Европы», что в свою очередь обусловлено «внедрением в идеологию американского общества конца XIX в. расистских теорий» (стр. 138).

Если искать хронологические критерии, то гребень волны скандинавских иммигрантов (когда доля их во всей массе иммигрантов достигла 12,5%) приходится на 80-е годы, т. е. лежит как раз на стыке типичных периодов «старой» и «новой» иммиграции; так что с этой точки зрения ее в равной мере можно было бы отнести и к той и к другой. Ш. А. Богина сближает скандинавов с представителями «новой» иммиграции, исходя, как она выражается, из «существенных социальных характеристик как европейских, так и американских». Первые она видит главным образом в том, что движущими силами выталкивания с родины в значительной степени было аграрное перенаселение (но эти же силы были решающими и в «старой» иммиграции, например с Британских островов!); вторые — в том, что много скандинавских иммигрантов оседало в городах, пополняя кадры пролетариата, или первое время батрачило на чужих фермах, в частном наличии этнически обособленных шведских или норвежских общин и т. п. Указывается и на механизм «воспроизводства иммиграции» с помощью переводимых на родину «американских денег» (аналогия с итальянской иммиграцией; но этот механизм был, как известно, еще более типичен для более ранних миграций из Ирландии!).

Выражая серьезное сомнение в том, что иммиграцию из скандинавских стран следует относить к «новой», я хочу обратить внимание на то, что В. И. Ленин в приведенной выше характеристике «старой» иммиграции привязывает ее очаги к «старым культурным странам» Европы. Этот признак — качества иммигрантов, сплошь грамотных, легче, чем итальянцы или выходцы из Австро-Венгрии, закреплявшихся в квалифицированных и выше оплачиваемых профессиях, быстрее (и часто сознательно, через кружки и вечерние школы) преодолевавших языковой барьер, как мне представляется, очень существен. Скандинавские иммигранты оказывались подготавливаемее, чем представители «новой» иммиграции к вхождению в индустриализованно-урбанизированную американскую социальную среду. Сама автор рецензируемой книги отмечает их высокую географическую мобильность (стр. 160), организное участие их в процессе «общамериканской миграции» на Дальний Запад (стр. 161), частые смешанные браки и т. п. Она правильно указывает, что значение оседания скандинавских иммигрантов в городах США преуменьшалось американской иммигрантоведческой литературой; убеждение, что они прежде всего потенциальные фермеры «было связано с характером американо-скандинавского стереотипа» (стр. 163). Замечу здесь же, что книга дает много и других ценных и весьма конкретных характеристик иммигрантов-скандинавов в США, но они, на мой взгляд, плохо вяжутся с надуманным перенесением этой этнической струи из потока «старой» иммиграции в «новую»⁴.

На стр. 239 автор, полемизируя (вполне справедливо!) с «создателем» теории двух исторических этапов иммиграции расистом Ф. Уокером, даже заявляет: «Научных оснований для принципиального противопоставления двух иммигрантских потоков не было, но оно послужило демагогическим средством разобщения американского рабочего класса и антииммигрантской травли». Вполне соглашаясь со второй частью этого утверждения, я не могу никак не принять первую. Впрочем, если это сказано не в

⁴ Надо упомянуть здесь и то, что скандинавские иммигранты легче других «вливались» в церковную жизнь США; это было связано с господствовавшим среди них протестантством. Показательно и широкое участие их в мормонском движении. Католики-итальянцы, как и католики-поляки, гораздо хуже уживались со своими единоверцами-ирландцами в рамках американской католической церкви. Ш. А. Богина справедливо уделяет достаточное внимание конфессиональным чертам иммиграции, поскольку в общественной жизни США изучаемой ею эпохи организационные формы церковной жизни играли существенную роль.

запальчивости спора, а всерьез, неясно — почему автор сочла нужным вообще поднимать вопрос о пересмотре «ходячего мнения» об отнесении скандинавской иммиграции к «старой»?

Трактовка скандинавской иммиграции в качестве «новой» — единственный, пожалуй, существенный пункт книги, вызывающий желание поспорить. Другие претензии к автору имеют второстепенный, часто лишь редакционный характер. На стр. 8 почему-то предлагается понимать термин «иммиграция» не как процесс вселения, а как совокупность самих вселившихся с их потомством (в нескольких поколениях!); к счастью, это своеобразное предложение не получило затем в книге никакого применения, и понятием иммиграции автор на деле пользуется в общепринятом смысле. Вряд ли стоило писать «городские популяции» вместо «городское население» (стр. 21). На стр. 108—109, говоря о пережитках матриархата, автор называет соответствующие общественные отношения патриархальными. Трудно не только произнести, но и прочесть прилагательное в выражении на стр. 230: «институционализованный (23 буквы!) религия» (хотя само это понятие введено метко) и т. п. Но в целом книга написана хорошим — очень живым и ясным — языком.

Мне как географу представляется, что Ш. А. Богина могла бы обогатить свой труд, уделив больше внимания анализу размещения иммигрантского населения в самих США. К данным, характеризующим это размещение, она, разумеется, обращается неоднократно (хотя бы потому, что все приводимые ею свидетельства современников всегда локализованы; есть и отдельные обобщения, например о преимущественном расселении отдельных этнических групп в том или ином районе, и т. п.). Но создание связной общей географической картины их расселения (и последующих переселений) в качестве специальной цели в книге не поставлено. Ш. А. Богина правильно указывает на большое значение для американской историографии концепции Ф. Д. Тернера об «открытой», все время сдвигающейся на запад границе. Если бы она уделила больше внимания географической стороне расселения иммигрантов, она могла бы выигрышно рассмотреть в этой связи и аналогичную социально-географическую концепцию, с которой примерно тогда же выступал видный американский географ И. Боумен⁵.

Книга Богиной богата многими новыми методическими подходами, которые помогли ей сделать и важные теоретические выводы. Привлечение широчайшего круга конкретных свидетельств позволило показать механизмы того, как «потребности развития... этносоциального организма», в который включаются иммигранты, «вызывают перемену классовой принадлежности и рода занятий переселенцев» (стр. 223). Очень плодотворно в этой связи рассмотрение иммигрантского населения в виде не одного, но по меньшей мере двух поколений (многочисленные примеры с «полшведскими детьми» и проч.). Автор очень наглядно показывает формирование в США «переходных этнических общностей», например немецко-американской (стр. 55); эти общности выступают как «новые этнические образования, составляющие часть американского народа» (стр. 223). Неправильно считать, отмечает Ш. А. Богина, что ассимиляция иммигрантов — процесс простого «уподобления» себя жителям страны прибытия, так же как антиассимиляционные тенденции — простое «продолжение этнических традиций прежней родины» (стр. 223); нет, происходит именно формирование групп населения, обладающих новыми этническими свойствами. При этом «в американских этнических отношениях участвовали не две стороны — большинство населения и иммигрантское меньшинство... а много: система эта включает сложные отношения между разными этническими группами... Эти отношения строились иерархически, иерархия же этнических групп определялась их положением в американском обществе» (стр. 228). Подобная концепция делает весь анализ отношений гораздо более глубоким.

Точно также введение понятия стереотипа открывает богатые возможности обращения анализа методами социальной психологии. Автор указывает и на «возникновение у этнических групп автостереотипов... Иммигранты определенной национальности видели себя такими, какими видели их „референтная группа“ — та, на которую они ориентировались при выработке ценностей, которая служила им образцом» (стр. 230).

Очень тщательно в книге прослеживаются различия прогрессивно-демократических и реакционных тенденций в связанных с иммиграцией общественных процессах и в оценке их в исторической литературе. При этом автор не устает разоблачать органическую связь реакционных тенденций с идеологией расизма. Написанная с последовательно марксистских позиций, книга представляет хороший образец творческого применения марксистской теории к анализу важных конкретных исторических фактов.

Книга Ш. А. Богиной — заметное событие не только для нашей американистики, но и для всей теории межгосударственных миграций, динамики порождаемых ими межэтнических отношений. Ее с равным интересом, пользой и удовольствием прочтут этнографы и историки, социологи и географы.

В. В. Покишиевский

⁵ The pioneer fringe. N. Y., 1931.